
«ВЛАСТЬ ОТ ВЕКА ЕСТЬ У СЛОВА...»

Т.Е. Владимирова

Кафедра русского языка и литературы
Институт иностранных языков
Российский университет дружбы народов
ул. Кржижановского, 24/35-1, Москва, Россия, 117292

Национальное языковое сознание имеет кодовую структуру. Особое внимание в статье уделяется экзистенциально-аксиологическому коду русского речевого общения.

Ключевые слова: этнический язык, языковая универсалия, универсальный код, содержательная таксономия, языковая картина мира, социально-речевое поведение, экзистенциальная лингвистика.

Возникновение и развитие этнических языков охватывает длительный период, который вбирает в себя процесс осмысления мира и создания языковой картины, объясняющей не только этот мир, но и самого человека в его взаимоотношениях с другими. Общность эволюции различных языков и существование единых, универсальных языковых механизмов, которые объединяют типологически близкие и далекие языки, предопределили само бытие человека и сделали возможными его контакты с носителями других этнических языков и культур.

«Речь – единая царица мира» (Еврипид), и потенциальное взаимопонимание между представителями различных лингвокультурных общностей становится возможным благодаря тому, что существует **универсальный предметный код**, который «свойственен человеческому мозгу и обладает общностью для разных человеческих языков» [4. С. 54]. Раскрывая свое понимание универсального предметного кода, Н.Н. Жинкин обращает внимание на общую генетическую структуру национальных языков, которые различаются между собой лишь некоторыми способами интеграции этого кода. Таким образом, каким бы инородным ни казался мир «чужой» культуры, по мере присвоения новой языковой картины мира открывается ее системно организованная целостность.

Концепция «психической общности человечества» активно разрабатывалась в русле этнографии и антропологии (см., например, работы М. Мосса, К. Леви-Строса, Ф. Боаса, Б. Малиновского). Развивая идею функциональной общности как близких, так и далеких культур, Б. Малиновский сформулировал принцип общего фактора, служащего основанием для контактов двух различных социальных систем. Обосновывая концепцию «поля поведения и активности членов этнической системы»,

Л.Н. Гумилев также исходил из идеи общности различных этносов, благодаря которой становится возможным взаимопонимание между субъектами, являющимися членами различных «этнических полей». Наследуемый индивидом **код социального речевого поведения** биологически не запрограммирован, но в человеке заложены определенные предрасположенности к его восприятию.

Укорененность в сознании речеповеденческих реакций проявляется во врожденной инстинктивной склонности к доброжелательному общению, в «чувстве общности» (А. Адлер), в развивающейся потребности «в человеческих связях» (Э. Фромм), в «поглаживаниях» (Э. Берн). При этом взаимопонимание и взаимодействие строятся преимущественно на логике смысла (рациональное начало). А воздействие на собеседника, и тем более достижение взаимности становятся возможными благодаря общности эмоциональных переживаний и сближению ценностных представлений, имеющих национально-культурную специфику. Поэтому параллельно с «диалогом личностей» происходит еще один диалог – диалог двух культур, в которых эти личности сформировались.

Идея единой сущности языка получила развитие в трудах В. фон Гумбольдта. Так, в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» основоположник теоретического языкознания писал, что «к одной форме восходят, по существу, формы всех языков, если только идет речь о самых общих чертах: о связях и отношениях представлений, необходимых для обозначения понятий и для построения речи; о сходстве органов речи, которые по своей природе могут производить лишь определенное число членораздельных звуков; наконец об отношениях, существующих между отдельными согласными и гласными звуками, с одной стороны, и известными чувственными восприятиями – с другой» [4. С. 74].

В поисках **языковых универсалий**, т.е. свойств, присущих всем языкам, исследователи пришли к заключению, что в их число входят звуковая «членораздельность» и системный характер символов, служащих для выражения мысли. Прочие свойства языка и особенно система приемов мышления, воплощенная в языке, – национально своеобразны. Это обусловлено тем, что у представителей различных этносов интеллектуально-познавательные особенности являются следствием вовлечения в работу разных зон коры головного мозга, а также результатом разной взаимозависимости активности этих зон [11. С. 76].

Опираясь на языковые универсалии, исследователи продолжают **«поиск содержательной таксономии языка»**. Так, например, к числу категорий, отражающих характерный для русского человека способ категоризации окружающего мира, относятся определительные, изъяснительные, временные, определительно-обстоятельственные, причинно-следственные, условные, целевые, уступительные отношения, отношения сопоставления, сравнения,

принадлежности, ирреального действия, побуждения, возможности и невозможности, необходимости и ненужности, желательности, определенности/неопределенности и отрицания. Существенные результаты получены в ходе анализа функционально-семантической категории модальности.

Выражая субъективную оценку сообщаемой информации и отношение к действительности, модальность объединяет в себе такие общезначимые прагмалингвистические параметры речевого общения, как говорящий, адресат, содержание высказывания, действительность и речевая ситуация. Имея в различных языках национально-специфические формы выражения, модальность охватывает широкий круг явлений, включая целенаправленность (утверждение, побуждение, запрос информации и др.), квалификацию информации с позиции утверждения/отрицания, реальности/гипотетичности/ирреальности и др.

Изучение языковых универсалий обнаруживает их взаимосвязь с психологической, этической и социокультурной сторонами общения. Поэтому при обращении к речевому поведению целесообразно принимать во внимание не только лингвистические, но и **психолингвистические и лингвокультурные универсалии**. Так, в частности, к числу психолингвистических универсалий Е.М. Вольф относит общую структуру речевой ситуации и входящие в нее отношения между говорящим и адресатом, время и место речевого акта, а также его идентичность или неидентичность. По мнению исследователя, «анализ текстов разных языков позволяет выявить факты, которые обусловлены, как можно предположить, не столько системой данного языка, сколько психолингвистическими свойствами его носителей. Эти явления, как правило, универсальны» [2. С. 144].

Необходимость психолингвистического рассмотрения языковых универсалий неоднократно подчеркивалась А.А. Леонтьевым, который писал, что тождество лингвистическое еще не есть тождество психолингвистическое [8]. В этой связи позволим себе напомнить положение Л.С. Выготского, согласно которому «везде – в фонетике, в морфологии, в лексике и семантике, даже в ритмике, метрике и музыке – за грамматическими и формальными категориями скрываются психологические» [3. С. 334].

Целесообразность выявления универсалий, объединяющих представителей различных лингвокультурных общностей, обусловлена тем, что восприятие существенно общего в культуре другого народа способствует пониманию ее уникальных особенностей. Ведь каждая культура имеет свое, самобытное выражение, что делает ее притягательной и интересной, а следовательно, и побуждающей представителей других культур к знакомству и общению с ее носителями. Идею приведения культурного многообразия к целостному единству, которое не исключает различия, но предполагает их изучение в составе целого, разделяют такие известные специалисты-гуманитарии, как Т.И. Ойзерман, А.И. Арнольдов, Г.С. Батищев, Г.Д. Гачев, Т.П. Григорьева, В.А. Кругликов, В.А. Лекторский, В.М. Межуев, работы ко-

торых заложили основы для целостного изучения человека, языка и созданной в его пределах культуры.

Особый интерес для настоящей работы представляет **речеповеденческий код**, базирующийся на этноспецифичных ценностных представлениях о нормативно-должном речевом поведении. Действительно, по мере взросления и социализации человек наследует прежде всего речеповеденческую и языковую, а затем уже социокультурную, научную, религиозную, мифопоэтическую и другие картины мира.

Чтобы проиллюстрировать национально-культурную самобытность речевого этикета, рассмотрим формы обращения, принятые в различных этносах. Для русской речевой культуры типично обращение к знакомым людям по имени (по имени-отчеству), что предполагает большую контактность и открытость, чем это принято в западноевропейской речевой культуре. Что же касается официальных форм обращения, то в XX в. они претерпевали изменения в зависимости от социального статуса граждан: *сударь/сударыня – господин/госпожа – гражданин/гражданка – товарищ – господин/госпожа*. Сегодняшние трудности в выборе нейтральной формы обращения являются, по мнению В.В. Колесова, «свидетельством поразительной свободы» говорящего, которая вместе с тем мешает автоматизму речи, привычному для носителей западноевропейских языков [7. С. 180].

Характерная для этих языков тенденция к стандартизации речевого взаимодействия проявляется в ограниченном наборе этикетных форм, которые используются в различных речевых ситуациях. К числу наиболее распространенных вежливых форм обращения к мужчине, замужней и незамужней женщине относятся английские *сэр, мистер/миссис, мисс*; французские *месье/мадам, мадемуазель*; немецкие *гerr/фрау, фройлен*; итальянские *синьор/синьора, синьорина*. (Примечательно, что в деловом этикете употребляется только форма обращения к замужней женщине, независимо от семейного положения.) А обращение по имени расценивается нередко как фамильярное и является допустимым только среди близких людей, студентов, школьников, а также в дружеской обстановке. Отличительная особенность немецкого речевого этикета – подчеркнутая официальность: обращаясь к адресату, называют не только его фамилию, но и титул. Если же говорящему звание не известно, используется широко употребительное *гerr доктор*. Что же касается обращения к замужней женщине, то оно с необходимостью включает титул ее мужа (*Гerr доктор Шмуцер, фрау доктор Шмуцер*). Характерной чертой польского этикета является обращение *пан/пани* в сочетании с именем, фамилией, профессией или должностью (*пан Станислав, пани Кольовска, пан адвокат, пани директор*).

Во всех европейских языках вежливое отношение к адресату утвердилось в форме на «вы». Исключение составляет лишь английский язык, в котором есть единая форма *you/Вы*. На этом фоне выделяется итальянский этикет, отдающий предпочтение формам на «ты» при установлении и под-

держании доверительных взаимоотношений между коллегами, служащими фирм, банков, министерств, а также между рабочими и в молодежной среде. (Примечательно, что обращение на «ты» не принято в общении с подчиненными и с обслуживающим персоналом.) Что же касается русского этикета, то для него типична тенденция перехода в процессе развития взаимоотношений с формы на «вы» к форме обращения на «ты». При этом обращение к старшим по возрасту или по социальному положению предполагает традиционное использование формы на «вы».

Ориентация на статус и возраст собеседника, проявляющаяся в подчеркнутым выражении уважительно-почтительного отношения к нему, отчетливо прослеживается в мусульманизированном речевом этикете центрально- и среднеазиатских государств. Так, согласно узбекскому этикету, к мужчине среднего возраста принято обращаться: *биродар*, *огайни*, *дустим* (если говорящей является его ровесником) или *таксир*, *амаки*, *тога*, *мухтарам* (если говорящий моложе на 10–25 лет). А в обращении друг к другу мужчин старше 50 лет используются такие формы, как *таксир*, *биродар* и *хожака* (если адресат совершил хадж). В разговоре мальчика с пожилым седобородым мужчиной предпочтительны следующие формы: *амаки*, *ота*, *хожи-ота*, *хожи-бува/бобо* (если адресат совершил хадж). Обращение девочки к девушке включает варианты *опа*, *опажон*, к замужней женщине старшего возраста – *холла*, *холожон*, к женщине пожилого возраста – *опоки*, *холла* и др.

Для узбекской речевой культуры типично активное использование в функции обращения имен собственных с дополнительными морфемами, выполняющими гонорифическую функцию (*Махмудамаки*, *Сатторака*, *Соадатана* и др.), а также терминов родства в общении как со знакомым, так и с незнакомым адресатом (*ака/акажон*, *ука/укажон*, *опа/опажон* *ота/отажон*, что соответствует русским вариантам: *дядя/дяденька*, *тетя/тетенька*, *бабушка/бабуля*, *дедушка/дедуля*). Широко употребляются эмоционально-оценочные формы, образованные путем прибавления специальных морфем. Например, формы обращения к дочери *онахон* и к сыну *отагинам* получены путем прибавления к словам *она* (дочь), *ота* (сын) уменьшительно-ласкательных *-хон* и *-гинам*. Что же касается стандартизированных форм, аналогичных принятым в Западной Европе, то в узбекском языке они отсутствуют [9].

Система этикетных форм, принятых в Восточной и Юго-Восточной Азии, восходит к «этике лица». Особой сложностью отличается речевой этикет японцев. Иностранцу, не посвященному в его тонкости, трудно разобраться в многочисленных способах проявления вежливости в зависимости от статуса собеседника и понять специфику общения между членами семьи, между мужчиной и женщиной. Это объясняется тем, что японское речевое поведение традиционно ориентировано не на конкретного человека со своими индивидуальными особенностями, а на занимаемое им об-

щественное положение. При этом особо значимым является принадлежность к известной компании, фирме, банку и т.п. В результате в Японии собеседники часто обращаются друг к другу не по имени, а называют должность или степень родства.

Почтительное отношение к общественному статусу выражается не только лексически, но и грамматически. Так, например, различается передача отношения говорящего к адресату (адрессив) и к лицам, о которых идет речь (гоноратив). Этой же цели служат глаголы, которые употребляются только в 1-м или во 2-м лице. В результате японский этикет насчитывает около 50 форм обращений и более 50 вариантов приветствий. При обращении друг к другу обычно прибавляются суффиксы вежливости *-сан/-сама* (по отношению к вышестоящему), *-кун* (по отношению к подчиненному), *-сэнсэй* (по отношению к преподавателю, ученому, работнику искусств), а также *-окусан* (по отношению к замужней женщине), *-одзе:сан* (по отношению к девушке) и др. К числу распространенных форм выражения вежливого отношения к адресату относится также избегание прямого обращения, когда говорящий использует безличную форму (*Куда имеется хождение?*). Что же касается общения в современной молодежной среде, то для нее характерно обращение по имени [1].

Таким образом, принятые в различных культурах формы обращений отражают определенную ценностную иерархию, в которой находит выражение своеобразный стиль мышления и самобытный способ существования национальной языковой личности, раскрывающийся в общении.

Исследовательский интерес к «диалогической ткани человеческой жизни» (М.М. Бахтин) способствовал переходу от изучения языковой системы как управляющей коммуникацией к пониманию языка и речи, которые отражают действительность и создают различные дискурсы (межличностный, официальный, молодежный, научный, педагогический, инженерный, политический, армейский, рыночный и др.).

Выступая главным хранителем общего опыта, знаний, мыслей и ценностных представлений, дискурс фиксирует общую систему значений и то новое, в чем находит выражение творческая функция языка. Таким образом, вместе с дискурсом в отечественную науку вошло целостное, – трехмерное (язык–речь–дискурс), – представление о диалогическом бытии. Вбирая в себя речевую/текстовую деятельность вместе с социокультурным контекстом, дискурс выступает как «поток, который передается от одного поколения к другому. Поколения рождаются и умирают, а деятельность протекает через них, и она во многом независима от своего материального биологического субстрата. И уже непонятно, человек определяет деятельность, или деятельность «штампует» определенным образом человека» [10. С. 256]. Отмеченная особенность позволила исследователям говорить о «власти дискурса», которая проявляется в обусловленности национального языкового сознания тем дискурсом, в атмосфере которого протекает формирование носителя языка.

Как известно, человек оценивает себя как личность и свое личностное бытие не только с позиций собственного Я и своего круга общения. Определенную роль в этой оценке также играет дискурс, который «дает» определенную оценку как той действительности, которую он отражает и выражает, так и самой языковой личности, ставшей преемником его идеалов, установок и ориентиров речевого поведения.

В результате по мере присвоения языковой и речеповеденческой картин мира в сознании индивида постепенно выстраивается национально-самобытная экзистенциальная (от позднелат. *existentia* – имеющий отношение к существованию) картина мира, своего рода «экзистенциальной пространственности» (М. Хайдеггер), а в личностном языковом сознании формируется **экзистенциально-аксиологический** (ценностно-смысловой) код индивидуального речевого поведения и бытия в целом.

В этом контексте большой интерес представляет изучение философски значимых концептов, которые присутствуют в обыденном речевом поведении, выполняя функцию своеобразных ценностных скреп («мир», «дом», «слово», «счастье», «правда», «совесть», «вера», «власть», «деньги», «семья», «стыд» и др.). Так, например, русский **концепт «совесть»**, являясь важной составляющей экзистенциально-аксиологического кода, характерного для русского языкового сознания, по-прежнему остается важным ценностным ориентиром речевого поведения. И здесь представляется примечательным следующий факт. Войдя в русский язык из церковнославянского языка, где оно, в свою очередь, возникло как калька среднегреческого *syneidesis* – «совесть, сознание» и *syneidos's* – «совместное знание, сознание, совесть», данное слово продолжает сохранять свой семантический потенциал. Более того, появление в русском языке лексемы «сознание», кальки латинского *conscientia* – «сознание», не вытеснило, но образовало два сопрягаемые в русском языке понятия «сознание–совесть», где последнее, в силу «этимологической памяти слова» (Ю.Д. Апресян), не утрачивает своей соотнесенности с Божественным началом.

В качестве подтверждения сошлемся на толкование этого концепта, данное Евгением Евтушенко в телепрограмме «Линия жизни» (10.06.2006): *Совесть – это другое имя Бога. А Даниил Гранин в своих «Размышлениях о совести» на VII Международных лихачевских чтениях сказал: «Совесть – божественное начало, которое дано человеку. Она не ошибается. У нее нет проблемы выбора. Она не взвешивает, не рассчитывает, не заботится о выгоде. Может, только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни».* В этой связи позволим себе напомнить характеристику носителей русского языка как «интуитивно-этических интровертов» (К.Г. Юнг).

Неудивительно, что дефиниция совести в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля является одной из наиболее обстоятельных: *«нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке;*

внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *Робка совесть, поколь не заглушишь ее. От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь»* [5]. Первостепенная важность совести, в которой концентрируются переживания собственного несовершенства и стремление соответствовать нравственным нормам, нашла отражение в многочисленных пословицах.

Совесть как фундаментальная ценность: *Добрая совесть – глаз Божий; Без совести и при большом уме не проживешь; Богатый совести не купит, а свою погубит; Без рук, без ног – калека, без совести – полчеловека; Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука; Где совестно, там и любовно; Менять веру – менять и совесть; Совесть мучит, снадает томит и убивает; Робка совесть, поколь не заглушишь ее; Чья душа в грехах, та и в ответе; Говори по делу, живи по совести; В ком стыд, в том и совесть; Рожка кривая, да совесть прямая.*

Предостережение от забвения голоса совести: *Береги платье снову, а честь смолоду; Жить живи, да честь знай; Надобно ж и совесть знать; Совесть без зубов, а грызет; В ком совесть не чиста, тому и тень кочерги виселица!; У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится; Совесть спать не дает; Совесть с молоточком: и постукивает, и послушивает; Богатый совести не купит, а свою погубит; От человека утаишь, от совести не утаишь; К кафтану совести не пришьешь; Рад бы в рай, да грехи не пускают; Волосом сед, а совести нет; Как ни мудри, а совести не перемудришь; Не знаешь чести, так палок двести; У него совесть мешок: что хошь положи; Что того и совестить, у кого нет совести!*

Что же касается западноевропейских языков (латин. *conscientia*, франц. *conscience*, итал. *conscienza*, англ. *conscience*, немец. *Gewissen*), то эквивалентом русского концепта «совесть» является концепт «сознание», в котором представление о связи человека (со-) с вестью и заповедями от Бога, по видимому, практически не осознается носителями языка. В этом отношении русский концепт «совесть» вполне соответствует словам Арсения Тарковского, – «Власть от века есть у слова», – и русское национальное сознание продолжает удерживать его изначальный понятийный объем.

Подведем итоги. Язык – это фундаментальная ценность народа, вбирающая в себя и бытие, и духовный потенциал многих поколений, и опыт взаимодействия с другими народами. Именно язык создает то особенное пространство, в котором существует и развивается национальная языковая личность. И поэтому не только временные и пространственные связи, но и необходимые для ее существования аксиологические скрепы составляют ценностно-смысловой, или экзистенциально-аксиологический, код ее языкового бытия.

К сожалению, преподавание русского языка в школе по-прежнему остается в рамках теоретико-практического изучения языка как системы. В результате учащиеся не имеют представления ни об исторической судьбе родного языка, ни о его национально-культурном своеобразии. А без знания собственных корней можно ли понять, в чем заключается русский стиль мышления и, – шире, самобытный способ существования русской языковой личности? Создается впечатление, что горький упрек А.С. Пушкина, – «Россия слишком мало известна самим русским» (1826 г.), – относится сегодня едва ли не в первую очередь к русскому национальному самосознанию. Это еще раз подчеркивает важность обращения к исследованию феноменов, принадлежащих одновременно языку/речи, культуре и сформировавшейся в их пределах личности. Это языковая картина мира, языковое сознание (и самосознание) и языковая личность, выступающая одновременно как наследник и творец дискурса.

Целесообразность обращения к концептуальному аспекту «говорящего бытия» (М.М. Бахтин) делает актуальным выделение специальной металингвистической области исследований, – экзистенциальной лингвистики. Формируясь на стыке этнопсихолингвистики, лингвокультурологии и философской лингвистики (философии «обыденного языка»), **экзистенциальная лингвистика** опирается также на работы в области экзистенциальной и гуманистической психологии, которая занимается изучением проблем личностного бытия и поиска смысла существования. Таким образом, в сферу экзистенциальной лингвистики входит рассмотрение языка/речи/дискурса, на фундаменте которых строится национально самобытная картина мира, и выявление экзистенциально-аксиологического кода личностного языкового бытия и, – шире, – русского речевого поведения в целом. Особую значимость при этом получает анализ концептуальных основ языкового сознания и самосознания, которые обнаруживают себя в лексико-грамматическом строе высказывания. В более широком понимании экзистенциальная лингвистика может рассматриваться как область языкознания, в задачу которой входит концептуальный анализ языка, языкового сознания, языковой личности, повседневной речи и разнообразной дискурсивной практики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алтатов В.М. Категория вежливости в современном японском языке. – М., 2009.
- [2] Вольф Е.М. Анализ текстов и психолингвистическая значимость лингвистических универсалий // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – С. 135–144.
- [3] Выготский Л.С. Мышление и речь: Собр. соч.: В 6 т. – М., 1982. – Т. 2.
- [4] Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
- [5] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1980. – Т. 4.
- [6] Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
- [7] Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб., 2004.

- [8] *Леонтьев А.А.* Психофизиологические механизмы речи // *Общее языкознание: формы существования, функции, история языка.* – М., 1970. – С. 314–375.
- [9] *Саддуллаев Д.С.* Национально-речевые признаки узбекского и русского менталитетов // *Мат-лы Республ. научно-практ. конф. «Русский язык, литература и культура в Центральной Азии на современном этапе».* – Ташкент, 2006. – С. 8–16.
- [10] *Щедровицкий Г.П.* *Философия. Наука. Методология.* – М., 1997.
- [11] *Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько.* – М., 1999.

«THE WORD HAS POSSESSED POWERS FROM TIME IMMEMORIAL...»

T.E. Vladimirova

The Russian Language Department
International Educational Center
Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov
Krzhizhanivsky Str., 24/35-1, Moscow, Russia, 117292

National linguistic consciousness is characterized by the different codes of communication. Particular attention author gives to the axiological and existential code of Russian interpersonal communication.

Key words: ethnic language, language universals, universal code, content taxonomy, language worldview, social-and-speech behavior, existential linguistics.